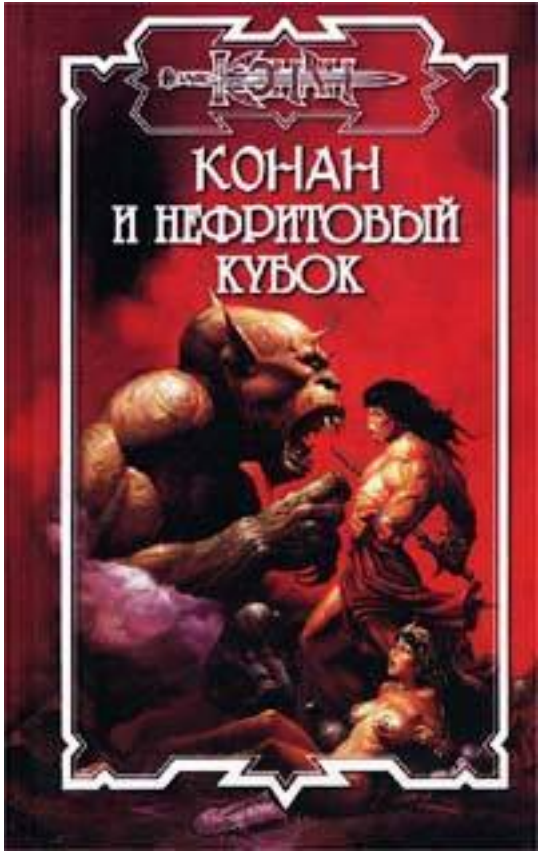
КОНАН
И НЕФРИТОВЫЙ
КУБОК

Джеральд Старк
Нефритовый кубок

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180066
Конан и Нефритовый Кубок: АСТ; М.; 2002
ISBN 5-17-014336-2

Аннотация

Славный город Шадизар. И одно из самых любимых развлечений жителей города – это скачки. При очередном состязании лучшая лошадь забега неожиданно падает, в результате чего погибает наездник.

И только Конан увидел в этом не случайность, а злой умысел…

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 4
ГЛАВА ВТОРАЯ 31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 54
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Джеральд Старк
Нефритовый кубок

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Человекоохранительное ремесло

Осень 1264 года от основания Аквилонии.

Город Шадизар, Замора.

– И наконец, я хотела бы знать, куда делись деньги. Ши?..

Тот, кому адресовался сей щекотливый вопрос – смазливый парень шемитской наружности, лет двадцати от роду, в славном городе Шадизаре известный как Ши Шелам, мелкий карточный жулик и карманный воришка – поднял голову и наградил Диери Эйтолу широкой проказливой улыбкой.

– Ты становишься подозрительной, милая моя. Почему, чуть что, сразу обвиняют бедного Ши? Вон Малыш лежит. Может, он взял. На покупку нового меча.

Ши повозился, устраиваясь поудобнее на корточках у сте-

ны там, куда не доходили косые лучи осеннего, но все еще горячего шадизарского солнца. Сидел он таким неудобным образом, во-первых, спасаясь от жары – в дешевых комнатах постоялого двора «Хромая лошадь» являвшейся одним из главных бедствий, наравне с клопами и скверной кухней – а во-вторых потому, что прочие предметы небогатой обстановки были заняты.

Посреди комнаты на единственном табурете восседала Диери с весьма недовольным видом, держа на коленях резную палисандровую шкатулку, в каковой компания обыкновенно хранила считавшееся общей собственностью золото. На широкой постели расположился долговязый, жилистый и молчаливый подросток, чья варварская внешность и диковинный для стран Полудня ярко-голубой цвет глаз выдавали выходца из далеких полуночных краев, вероятно, Киммерии или Ванахейма. Молодого варвара звали Конан, сам он представлялся как Конан из клана Канах. Ши по старой неискоренимой привычке величал приятеля Малышом, хотя внешне киммериец выглядел, пожалуй, посолиднее тощего и вертлявого Ши. Конан, впрочем, не обижался – привык.

Услыхав свое прозвище в столь неблаговидном смысле, Конан отложил в сторону короткий меч-гладиус (кстати, вправду совершенно новый) и посмотрел на Ши с явным неодобрением.

– Врет он все, – хмуро заявил киммериец. – Как дитя малое. Диери, он деньги в кости спустил. В «Голубой луне»

Кривому Зартаку.

– Восемьдесят полуимпериалов?! – ахнула Диери. – В кости?! Ши, это правда?

Улыбка Ши несколько поблекла.

– Ну… Что такое деньги, в конце концов? Сегодня они есть, завтра нет. А ты тоже хорош, друг называется! Следил за мной, что ли?

– Сегодня, пока ты спал, из «Луны» приходили, – так же мрачно ответствовал Малыш, снова беря в руки меч и высматривая на свет заточку клинка. – Ты в долг играл? Играл. Можешь спокойно дрыхнуть дальше, я Зартаку заплатил. Теперь ты мне должен сорок полуимпериалов.

Диери покраснела. Казалось, девушка сейчас заплачет.

– Поверить не могу, – воскликнула она. – Ты забыл, что нас грозятся выселить? Ши? Я тебя спрашиваю!

Воришка заерзал, виновато поглядывая на Деяниру.

– Я отработаю, Диери, – пообещал он. – Правда. На днях должен придти караван из Кордавы. Схожу на рынок, и…

– Прежде навести ближайший храм Бела-Обманщика и помолись на удачу, – ядовито посоветовал Конан. – Если тебя возьмут на горячем, мы не сможем даже наскрести денег на выкуп.

Ши начал было возражать, но Диери прервала его излияния скептическим жестом.

– И впрямь как дитя… Придется заложить или продать что-нибудь, только что? В самом деле, Конан, откуда у те-

бя взялся этот клинок? И вдобавок сорок полуимпериалов? Повстречал кого-то в темном переулке, да?

И тут Малыш, к несказанному удивлению друзей, залился густой краской.

– Понимаешь ли, Диери, – пробормотал он, глядя в добела отскобленные доски пола. – Я… В общем, я нашел работу.

* * *

– Чудовищно! Невообразимо, непредставимо и уму человеческому неподвластно! – вопиял Ши, мечась из угла в угол, подобно плененному хищнику. – Малыш, ты рехнулся! На тебя наслал порчу злой колдун! Тебя опоили! Как ты мог, нет, ну как ты только решился на такое!

– Не вижу ничего страшного, – буркнул Конан в ответ на гневную риторику приятеля. – Ремесло как ремесло. Не хуже других.

– Не хуже других, он говорит! – воздел руки Ши в непритворном возмущении. – Да подайся ты к старшине квартала вышибалой, я бы слова не сказал! Срезал бы кошельки, как всякий порядочный шадизарец в твоем возрасте… Но такое!..

– Между прочим, в нашем клане, – угрюмо сказал Малыш, – работа человекоохранителя считалась почетной и

уважаемой.

– Ши, конечно, преувеличивает… – жалобно протянула Диери. – Конан, ты хорошо подумал?

– Я вообще не понимаю, чего Ши не нравится, – защищался киммериец. – Кстати, если б я не отдал свое жалование за долги одного моего приятеля Кривому Зартаку, Кривой этого приятеля давно бы развесил на окрестных заборах. В назидание прочим.

– Он не понимает. Он, видите ли, не понимает! – возопил Ши Шелам. – Так. Беру себя в руки… и спокойно… словами, доступными даже варвару… объясняю, что мне не нравится. Ты – дубина!!!

Диери, несмотря на серьезность момента, не выдержала и прыснула.

– Очень доступно, – съехидничала она.

– На что ты польстился? – продолжал разоряться Ши. – На двадцать империалов «подъемных» и новый меч? Или, может, на красивую форму, на лживые посулы зазывалы-вербовщика? Разве можно быть столь непроходимо тупым? Ты же видел городскую стражу, во что они превращаются уже на первом году службы: ржавые мечи, голодные глаза, брюхо до колен и никакого уважения. Стража! Тьфу! Сборище косоруких увальней! Хочешь стать таким же? Приятель, одумайся, пока не поздно!

– А, вот ты о чем, – вздохнул Конан с явным облегчением. – Погоди кричать, я ведь нанялся не в городские страж-

ники. Они там поголовно полные олухи. Нет, дознаватель Рекифес, как обещал, принял меня в Сыскную Когорту.

Ши потерял дар речи.

– Помнишь, пару лун назад, – принялся рассказывать Малыш, по-своему истолковав внезапное молчание друга, – мы разобрались с Пустотниками – паучатами, и Рекифес предлагал нам обоим поступить к нему на службу? Я еще подумал: может, впрямь наняться? Платят неплохо, занятие уважаемое и вдобавок нескучное. Мой дедушка Аудагос всегда говорил… Эй, ты чего?!

– Светлый Митра, – простонал Ши, закрыв глаза и равномерно стукаясь затылком о стену в знак величайшего душевного расстройства. – Бел-Покровитель и Кэто Сладкобедрая, будьте свидетелями, я его сейчас убью. Вот успокоил, нечего сказать!

Карманник метнулся через комнатку и присел перед варваром на корточки, уставясь на того снизу вверх.

– Ты, понятно, человек пришлый, – задушевно проговорил Ши. – Может, тебе глубоко плевать, какие слухи про тебя пойдут. Может, тебе вовсе твоя варварская шкура не дорога. Только, видишь ли, я тут родился. Если ты не понял, Малыш, то я повторю – здесь не твоя захолустная Киммерия. Здесь Шадизар. Его еще именуют Столицей Воров. Да если хоть одна живая душа пронюхает, что Ловкач Ши, никогда не промышлявший ничем, кроме честного-благородного воровства, водит дружбу с парнем из Сыскной Когорты дозна-

вателя Рекифеса… Меня ж зарежут. Опомнись, а?

– Я слово дал, – хмуро отрезал Конан.

– Диери, скажи ты ему! – взвыл воришка. – Ты ведь тоже родом из нашего славного городка. Разве порядочная шадизарская девица может жить с сыскарем?

– Может, – заявила девушка, хотя ее голосу недоставало уверенности. Киммериец насупился еще больше. – Конан… Правда, ты бы не торопился… Зачем тебе это надо?

– А что мне остается делать? – отозвался киммериец. По сравнению с прямо-таки кипящим от возмущения Ши Шеламом варвар казался образчиком ледяного спокойствия, и только тот, кому посчастливилось узнать Конана достаточно хорошо, понял бы, какие усилия он прилагает, дабы казаться невозмутимым. – Воровать, как Ши, у меня пока не получается. Устроиться вышибалой на какой-нибудь постоялый двор? Пробовал, не берут. Говорят, нужно слово квартального старшины.

– Обратился бы… – начал Ши.

– Да знаю, к Кодо. Ну не для меня это! Одному улыбнись, другому в морду дай, да смотри не перепутай, не то самому по шее накостыляют. Подай – принеси. Холуйское занятие! Нет, настоящий мужчина сам себе должен быть хозяин. Короче, или к караванщикам в охрану наниматься, или – вот.

Ши уселся, скрестив ноги, под окном, откуда насмешливо поглядывал на степенно рассуждающего Малыша.

– Теперь ты, значит, уважаемый страж закона и сам-се-

бе-хозяин, – язвительно заметил он, едва Конан умолк. – Всякую седмицу будешь получать по двадцати кругленьких блестящих империалов туранской чеканки, расхаживать с замечательным новеньким мечом на заднице, восстанавливать благочиние, возвращать на путь истинный падших девиц и защищать убогих, больных и слабоумных. Дадут тебе в Наставники старого толстого выпивоху, который только и умеет твердить, как надоел ему этот растреклятый городишко, и отправят расследовать запутанное, таинственное дело о покраже колченогого осла в Нищебродном переулке. Да, насчет этого чудесного меча – не советую показываться с ним на улицах, потому что бесстрашные хранители городского порядка обыкновенно щепают такими лучину для растопки. Тебя попросту засмеют.

– Зачем только я отдал Зартаку сорок монет? – удрученно пробормотал Конан. На Ши явно накатило вдохновение:

– Кстати, о монетах! Диери, имей в виду – на свое а-агромное жалование Малыш теперь сможет покупать тебе по дешевенькому кхитайскому шарфику раз в поллуны. Если, конечно, будет отказывать себе во всем и станет обходиться одной миской тухлой чечевицы в день!

– Ши, прекрати, – вступилась Диери. – Конан, не слушай его!

Конан вздохнул, покачал головой и вышел из комнатки, прихватив злосчастный гладиус. Ши проорал вслед приятелю:

– Непременно научись брать взятки! Не то помрешь с голоду!

Внизу гулко хлопнула входная дверь.

– Совсем рехнулся парень, – с сожалением произнес воришка, оборачиваясь к девушке. – Доблестный человекоохранитель, поди ж ты…

И немедленно схлопотал звонкую оплеуху.

* * *

Самое обидное, что Ши почти во всем оказался прав.

Например, касательно личности Наставника, на коего Рекифес возложил заботы о новом подчиненном. Достопочтенный Шетаси уль-Айяз действительно был стар, грузен, склонен к неумеренности в выпивке и брюзжанию по любому поводу. Почти всю свою долгую жизнь он провел в рядах городской стражи, дослужившись до звания старшего письмоводителя при его светлости Верховном Дознавателе.

Шетаси оставалось всего два года до заслуженной отставки, когда судьба решила на прощание устроить ему изрядную каверзу.

Из Бельверуса прибыл новый дознаватель, его милость Рекифес, немедля заслуживший прозвище Немедийской Чумы, и принялся наводить порядок по своему усмотрению.

Разогнал половину городской стражи, набрав взамен новых людей, повесил за мздоимство старшину Таможенной управы, учинил с десяток облав в кварталах Ночная Пустошь и Скена, и, к всеобщему удивлению, добился того, чтобы изловленные грабители, скупщики краденого и содержатели притонов отправились кто на виселицу, а кто на рудники Соленых Озер. В довершение Рекифес создал Сыскную Когорту, и Шетаси уль-Айяз, мысленно готовившийся к позорному изгнанию со службы «за полнейшей непригодностью», внезапно оказался приписанным к этой самой Когорте – Наставником для молодежи, советником и ходячим кладезем сведений о том, кто чего стоит в славном городе Шадизаре.

Шетаси покряхтел, сплюнул, мысленно проклял тот день, когда чья-то мудрая голова в Немедии решила облагодетельствовать Заморийский протекторат, до блеска надраил латунную бляху с изображением дракончика и приступил к отправлению порученных обязанностей.

Заключались таковые в написании и разборе многочисленных бумаг и бумажек, неизбежно сопровождавших судопроизводство в любой стране Восхода и Заката.

Дней пять тому мирное бытие достопочтенного Шетаси, клевавшего носом над прошениями о помиловании заключенных тюрьмы Алронг, нарушило внезапное появление грозного Верховного Дознавателя, сопровождаемого неким молодым человеком. Незнакомец – лохматая черноволосая орясина зверовидного облика – помалкивал, с откровенным

любопытством поглядывая по сторонам.

«Небось, на допрос с пристрастием притащили, – злорадно подумал уль-Айяз. – Ничего, сейчас запоет, как миленький!»

Однако месьор Рекифес как-то растерянно кашлянул, окликнул старшего письмоводителя, с показным усердием ворошившего стопку пергаментных листов, и представил ему своего спутника:

– Шетаси, это Конан. Новенький из Сыскной Когорты. Парень старательный, только знаний пока не хватает. Растолкуй ему, как и что. В общем, не мне тебя учить.

Засим Рекифес подозрительно быстро удалился. Уль-Айязу послышался тихий ехидный смешок, испущенный скрывшимся за дверью дознавателем.

Почтенный уль-Айяз и странноватый Конан с равным недоумением уставились друг на друга. Неизвестно, о чем размышлял начинающий человекоохранитель, Шетаси же, ничего покуда не заподозривший, прикидывал, к какому бы делу приставить навязанного воспитанника.

– Читать-писать, само собой, не умеешь? – на всякий случай уточнил он. На миг появилась робкая надежда – вдруг удастся скинуть на подчиненного бумажную возню?

– Нет, – худшие ожидания старшего письмоводителя подтверждались – ему на шею повесили туповатого деревенского недоумка. Ну, спасибо, ваша дознавательская милость!

– Тогда что умеешь? – поинтересовался уль-Айяз.

– Немножко драться и больше ничего, – обескураживающе честно ответил мальчишка-варвар.

Шетаси с трудом оторвался от табурета, выглянул в окно своей каморки, убедился, что Рекифеса вблизи не наблюдается, и вполголоса осведомился:

– Тогда на кой ляд ты вообще вздумал податься в сыскные? Шел бы в вышибалы, а то в охранники к какому-нибудь купчишке…

– Не хочу, – твердо заявил провинциал.

– Чего ж ты тогда хочешь?

Конан набрал побольше воздуха и разразился речью – похоже, старательно обдуманной и едва ли не затверженной наизусть. Смысл ее улавливался без труда, и Шетаси только головой покачивал от изумления: не переводятся же на земле подобные восторженные юнцы!

Неведомо откуда взявшееся порождение Полуночи вбило себе в голову, что человекоохранительное ремесло – единственное достойное занятие в Шадизаре. Перечислялись дедовские заветы («Дед у тебя, должно быть, варвар еще тот…» – подумал еле сдерживавший зевоту старший письмоводитель), благочиние («Слово-то какое знает, и произносит почти без ошибки!»), высказывалась горячая надежда на приличное вознаграждение («А порой, надо признать, мыслит здраво…») и упоминался неведомый предок, также исполнявший в родных краях гостя должность порядкоблюстителя.

Наконец Конан выдохся и замолчал, вопросительно косясь на многозначительно прижмурившегося уль-Айяза.

– В Шадизаре давно живешь? – осведомился старший письмоводитель городской управы.

– С нынешней весны…

– Просто удивительно, как долго ты умудрился протянуть, – вздохнул Шетаси. – И еще удивительнее, малыш, какая невероятная каша булькает у тебя в голове.

Выражение физиономии будущего стража Закона стало чуточку опешившим. Должно быть, он ожидал совершенно иной встречи.

– Ничего, все мы когда-то были молодыми и глупыми, – фальшиво обнадежил приунывшего воспитанника уль-Айяз. – Держись меня и не пропадешь. Кстати, я – Шетаси уль-Айяз. Можно просто Шетаси. Постарайся обойтись без всяких там «достопочтенных» и «высокорожденных», и мы наверняка поладим. Ну, с чего начнем твое, с позволения сказать, обучение? Город знаешь?

– Немного, – визитер освоился на новом месте, снял с табурета толстенную стопку описаний нераскрытых дел и уселся. – Квартал Нарикано – я там живу. Квартал Сахиль, Ночную Пустошь, базары, Каменный рынок…

– На рынках кошельки резал? – как можно строже рявкнул Шетаси.

– Друзья пытались научить, ничего не вышло, – нехотя признался Конан.

– Понятно, – пробурчал старший письмоводитель, помыслив при этом: «Прислал же Митра бездаря…». Заплывшие жиром сонные глазки Шетаси встретились с твердым взглядом варвара, и от сквозившего в сем взгляде искреннего рвения старый сыскарь впервые ощутил неясное беспокойство.

– Почтенный Наставник, а что я должен делать? – осмелев, произнес Конан. Шетаси рявкнул:

– Сказал: никаких титулов! Не люблю подхалимов, – кряхтя, он выбрался из-за казавшегося таким уютным стола, оказавшись при этом вдвое толще и на голову ниже долговязого варвара, и возгласил: – Что до обучения, так это можно, это мы мигом… Для начала, сынок, пойдем-ка прогуляемся.

Мальчишка с готовностью вскочил. Раздалось лязгающее звяканье, и уль-Айяз увидел на поясе новоявленного Стража Когорты косо болтающиеся ножны с вложенным в них новеньким гладиусом скверной ковки, коими обычно вооружали городскую стражу.

– Где взял такую дрянь? – возмущенно спросил он, тыча пальцем в ножны.

– На оружейном складе выдали, – с гордостью ответствовал Конан. – По приказу его светлости Рекифеса. Велели всегда носить… А что?

– Убери и спрячь, – распорядился Шетаси. – Ты всерьез намеревался расхаживать с *этим* по городу?

Он негодующе фыркнул, удивляясь провинциальной наивности, и приступил к сборам. Один стилет – в ножны,

спрятанные под рукавом рубахи, второй – за отворот сапога. Кошель, набитый медью – прицепить к поясному ремню на видном месте. Если срежут, не жаль. Другой кошель, с серебряными талерами и туранскими суффи, уль-Айяз старательно запрятал в пояс, дабы ничьи не в меру проворные ручонки не смогли до него добраться без ведома хозяина. Прихватив залитую свинцом дубинку, Шетаси оглянулся на подопечного, с живым интересом следившего за его действиями.

– Жаль, Рекифес только одного тебя прислал, – хмыкнул почтенный уль-Айяз. – Вечно его высокомудрая светлость чего-нибудь недодумает… Двоих бы мне таких, как ты – цены б вам не было.

– И что тогда? – недоуменно вопросил начинающий человекоохранитель. Шетаси всплеснул руками:

– Как что? Носили бы меня в паланкине, хоть какая-то польза! – и оглушительно заржал. Варвар подумал и, к немалому удивлению достопочтенного старшего письмоводителя, захохотал еще громче.

«Ничего парнишка, – удовлетворенно подумал уль-Айяз. – Шутку понимает. Пожалуй, сработаемся».

Между тем Конан веселился совсем по иному поводу – представив себе тощего Ши в роли носильщика. Шетаси отер пот со лба и скомандовал:

– Ну, чего ждешь? Кидай свою железяку в угол и пойдем. Эх, молодежь… Учить вас и учить!

* * *

Первую прогулку по Шадизару в обществе достопочтенного Шетаси Конан запомнил надолго. Киммериец самоуверенно полагал, что друзья ознакомили его со всеми достопримечательностями и он более-менее освоился с царящими здесь порядками. Во всяком случае, мог с первого взгляда отличить кучку зевак, глазеющих на скорпионьи бои, от вроде бы совершенно такой же кучки, погруженной в созерцание игры «Камень, нож, листок».

Шетаси уль-Айяз удостоил подобные сборища наименования «мелочи пузатой», с чем Конан молча согласился. При виде с достоинством топающего по пыльной мостовой письмоводителя Сыскной Когорты игроки и зрители мгновенно брызнули врассыпную, растворившись в узких грязных переулках.

– Мелочь пузатая, ни к чему не годная, – повторил уль-Айяз и решительно свернул в сторону видневшейся неподалеку островерхой башенки зеленого цвета. Это место Конан тоже знал – площадь Благословений, примыкающая к главному митрианскому храму города. Площадь как площадь, ничего интересного. Зачем Наставнику понадобилось сюда тащиться?

Конан еще не решил, как относиться к человеку, с ко-

торым его познакомил дознаватель Рекифес. Понятно, что воин из уважаемого Шетаси, чей живот напоминает вместительный пивной бочонок, никакой. Надо полагать, единственное достоинство уль-Айяза – отличное знание шадизарской жизни. Тоже неплохо и полезно. Стоит повнимательнее слушать его рассуждения, пусть они чрезвычайно многословны и не всегда вразумительны.

На ступенях широкой лестницы храма, сложенной из желтоватого песчаника, шла какая-то возня – с криками, частыми взмахами рук и пронзительными взвизгиваниями. Вот из общей свалки выпал растрепанный серый ком, лихо кувырнулся по ступенькам, шлепнулся и, прихрамывая, споро заковылял прочь. Иногда существо – обычный сухоногий побирушка – оборачивался, понося собратьев по ремеслу на туранском и шемском наречиях. Державшаяся в отдалении группка зрителей приличного вида одобрительно засвистела.

– Разогнать? – с готовностью предложил Конан, сообразив, что у храма происходит обычнейшая свара между нищебродами, делящими лучшие места.

Шетаси в притворном ужасе схватился за сердце:

– Мальчик, ты на солнце, случаем, не перегрелся? Или тебе не растолковали, где ты имеешь честь служить? В Сысной Когорте месьора Рекифеса! Запомнил? Драки между нищими, мелкие жульничества, обсчеты, обвесы, обмеры, торговля гнилым сукном и прочая чепуха нас никоим образом не касаются. Пусть этим городская стража занимается, за то

ей деньги платят.

– Что тогда касается нас? – немедля пожелал выяснить Конан.

– Ну-у… – уль-Айяз внушительно поднял толстый палец, украшенный кольцом с большим, но показавшимся варвару поддельным рубином. – Убийства. Кражи и мошенничества, совершенные с особым размахом. Контрабанда. Вымогательство и еще вот такие предприимчивые бездельники…

С последними словами, прозвучавшими невнятной скороговоркой, почтенный старший письмоводитель с неожиданной для его возраста и комплекции стремительностью развернулся, ловким (наверняка отработанным за многие годы) жестом сгреб за шиворот неприметного малорослого типа, размашисто встряхнул, как кошка трясет пойманную мышь, и развернул физиономией к себе. Пойманный отчего-то не вырывался, не голосил, заверяя мир в своей невиновности, и только пробурчал:

– Доброго здоровьичка, месьор Шетаси.

– За мое здоровьичко не беспокойся, свое побереги, – рыкнул вышепоименованный месьор. – Ну-ка брось! А ты, юноша, подбери.

Типчик покорно разжал пальцы. В дорожную пыль грузно шлепнулся увесистый кошель, каковой Конан не замедлил проворно подхватить.

– Конан, ты не заметил поблизости парочки лоботрясов из городской стражи? – задумчиво осведомился старший пись-

моводитель, продолжая слегка потряхивать бедолагу – просто так, для порядка, дабы тот не счел себя забытым. – Ибо несообразно двум героям из Сыскной Когорты тратить свое драгоценное время на препровождение в застенки Алронга мелкого гнуса по имени Бирмит, а по прозванию Крыса, каковой Крыса даже кошелек у купца толком срезать не в состоянии, чем позорит наш достославный город. А, Бирмит? Чую, пора тебе на заслуженный отдых.

– Месьор Шетаси, не сдавайте! – взмолился Бирмит Крыса, а Конан деловито сообщил:

– По-моему, патруль городской стражи мы недавно миновали.

– Можешь ли ты сказать нечто, способное облегчить твою участь и доказать, что ты еще не окончательно потерян для общества? – печально поинтересовался Шетаси у неудачливого карманника.

Опасливо поглядывая на хмурого Конана, воришка что-то быстро зашептал Шетаси в самое ухо, заросшее седым жестким волосом. Почтенный уль-Айяз рассеянно кивал. Когда Крыса закончил, Шетаси испустил тяжкий вздох и неожиданно выпустил из пальцев воротник его чудовищно засаленного халата, отчего Бирмит шлепнулся на четвереньки, однако немедля вскочил и с поразительной быстротой отбежал на пару десятков шагов.

– Псы поганые! – завопил он, оказавшись в безопасности. – Чтоб вам лопнуть!

– Догнать? – азартно предложил Конан.

– А сможешь? – спросил Шетаси с некоторой завистью. – Да Сет ему в попутчики. Я его завтра опять поймаю. Много там?

– Где? – не понял киммериец. Потом сообразил и распустил шнурок на подобранном кошельке. – А-а…Ого!

– Дай сюда, – недовольно буркнул Шетаси, отбирая кошель. – И запомни, сынок: все изъятое у нарушителей закона должно быть немедленно сдано в городскую казну.

С этими словами он запихал кошелек к себе в пояс.

Отчего-то Конану показалось, что содержимое городской казны сегодня не пополнится.

Следующую остановку Наставник и тенью следовавший за ним ученик совершили в таверне «Звездный мост». Молодому киммерийцу об этом местечке рассказывали приятели, причем рассказ непременно сопровождался восхищенными закатыванием глаз и многозначительным прицокиванием языка. Оказалось – заведение как заведение, только почище и кормят наверняка не в пример лучше «Хромой лошади». Почтеннейший Шетаси грузно привалился к стойке, небрежно поманил пальцем хозяина, выросшего перед ним, словно из досок пола, и завел с ним тихую беседу.

Заинтересовавшийся Конан навострил уши, однако речей старшего письмоводителя не расслышал. Долетали до него только отдельные реплики хозяина «Моста», чье лицо приобретало то бледный, то зеленоватый оттенок, а голос пре-

дательски срывался.

– …кто говорит?!

– …Митрой Всевидящим клянусь!

– …почтеннейший уль-Айяз, жить-то надо…

– …как есть якшается с туранцами, а пахучую дрянь прячет на заднем дворе, за балкой овечьего сарая…

– …да никогда в жизни!

С последними словами хозяин проворно нырнул за стойку, откуда появился уже с маленьким кожаным мешочком, стремительно перекочевавшим за широкий пояс почтеннейшего Шетаси, составив компанию кошельку Бирмита Крысы.

– Смотри у меня, – пригрозил на прощание уль-Айяз, однако от предложенного кувшина белого шемского не отказался, и даже проявил щедрость, разделив сей кувшин с младшим подопечным.

– Вот народишко пошел, – огорченно сетовал месьор Шетаси, направляясь в сторону улиц торгового квартала Сахиль. – Никакой честности в людях не осталось! Нет, чтобы расплатиться и жить спокойно, так всякий норовит увильнуть да припрятать, себе оставить побольше, а законной власти – поменьше!

«Законная власть, надо полагать – господин Шетаси собственной персоной», – рассудил Конан, но вслух говорить ничего не стал. Он уже запомнил простое и действенное местное правило: иногда стоит держать язык за зубами.

Вместо этого киммериец спросил:

– Теперь куда?

– В «Золотой павлин», – пропыхтел уль-Айяз, вытирая с лысины обильные капли пота и раздраженно поглядывая на ослепительный солнечный диск. – Тамошний владелец обзавелся дурными привычками. Во-первых, водит дружбу с перекупщиками желтого лотоса, чего я во вверенном мне квартале потерпеть никак не могу. Во-вторых, обирает девчонок, которые живут при таверне, и какую-то, по слухам, даже поколотил. Хорошо ли это – обижать бедных девушек?

Конан согласился, что весьма нехорошо. В «Павлине», таверне поблизости от площади Скачущих Коней, ему доводилось бывать, и он знал, что там подрабатывает танцовщицей Элата, одна из десятка подружек Ши Шелама. Правда, из-за некоторых обстоятельств Ши с ней недавно поссорился, и теперь вовсю ухлестывал за Юнрой, дочкой богатого торговца древностями Аземы Тавилау. Самому киммерийцу Юнра казалась чрезмерно рассудительной для женщины и страшненькой с лица. Непонятно, что в ней нашел Ши. Может, желает добраться до сундуков ее папаши? Зряшные надежды – кладовые семейства Тавилау отнюдь не стоят нараспашку в ожидании проходимцев навроде Ши.

Владелец «Павлина» при виде достопочтенного Шетаси и маячившего у него за плечом хмурого верзилы сразу поскучнел, юркнул в заднюю комнату и вынес оттуда ставший уже привычным туго набитый кошелек свиной кожи. Подношение уль-Айяз с негодованием отверг, и полюбопытствовал,

каковы последние новости из Турана. Хозяин скривился, как от зубной боли.

Далее разговор велся полушепотом, завершившись вытянутым из тавернщика признанием в том, что встреча посредника и покупателей дурманного товара состоится через два дня, в таверне «На любой вкус», после заката. Шетаси одобрительно похлопал собеседника по плечу, наказал впредь не бить шлюх, приносящих заведению немалый доход, и не отнимать у них больше положенного.

Кошелек уль-Айяз все же запасливо прихватил.

– Вот и нашлось занятие для его милости Рекифеса, – с удовлетворением заявил уважаемый письмоводитель, покинув «Золотой павлин». – Всякие там засады, облавы и прочие шумные развлечения. Ему это чрезвычайно по душе. Только запомни, сынок – настоящие, большие дела творятся тихо. Чтоб никто, ни одна зараза болтливая не пронюхала. Усвоил?

На следующем постоялом дворе картина повторилась до мелочей, да вдобавок стражей закона бесплатно угостили недурным обедом. «За счет заведения», льстиво пропела хозяйка, заодно шепнувшая месьору Шетаси о подозрительных сборищах в доме по соседству и предположившая, что туда наведываются любители потискать малолеток… Рассказывая, она делала круглые глаза и всячески изображала готовность помогать доблестным человекоохранителям.

– Р-разберемся, – посулил уль-Айяз, и, когда хозяйка ото-

шла, буркнул: – Вот они куда перебрались, после того как нынешней зимой разогнали притон на Бронзовой улице… Ну-ну, запомним.

Чем дальше, тем больше Конан убеждался, что Шетаси уль-Айязу известно о Шадизаре все или почти все. Кто кому сколько задолжал, кто чем промышляет и с какой девицей нынче живет, кому улыбнулось переменчивое счастье, а кто сидит на мели. Уль-Айязу не требовалось ни угрожать, ни применять силу – ему тут же рассказывали необходимое, и, как заметил киммериец, с явным злорадным удовольствием, пытаясь насолить собрату по ремеслу или удачливому конкуренту.

Единственная досадная заминка случилась под вечер, в таверне «Кувшин и кружка», чей владелец клятвенно обещал вернуть долг завтра. В крайнем случае, через два дня. Посетителей совсем нет, дряхлая бабушка, как назло, занемогла… Знаете, сколько нынче лекари дерут за свои снадобья и свое время?

Шетаси сочувственно кивал, поглаживал редеющие усы и в конце концов обернулся к маявшемуся от скуки подопечному.

– Сынок, пойди-ка сюда, – окликнул он Конана и указал на невольно попятившегося содержателя «Кувшина». – Видишь это неудачливое создание природы? Возьми его и выведи наружу. Можешь делать с ним, что угодно, только чтобы через четверть колокола двадцать талеров серебром ле-

жали на этом столе. Приступай, да гляди, не посрами чести Сыскной Когорты.

Хозяин открыл рот, но возразить не успел – его сгребли за шиворот и непреклонно повлекли к выходу. Грохнула о косяк закрывшаяся дверь. Почтеннейший Шетаси с ухмылкой налил себе дорогого «Аромата Пуантена», обнаруженного в закутке под стойкой, и приступил к неторопливому смакованию. Немногочисленные гости таверны встревоженно переглянулись, кто-то предпочел украдкой выскользнуть на улицу.

Минуло не четверть колокола, а едва ли двести или триста ударов сердца. Уль-Айяз едва успел опустошить кружку, когда на пороге объявился молодой варвар, весьма довольный собой.

– Деньги спрятаны в бочонке на складе для вина, – бодро доложил он. – Принести?

– Само собой, – хмыкнул Шетаси и на всякий случай осведомился: – Как поживает наш досточтимый хозяин?

– В колодце плавает, – безмятежно ответил киммериец.

– По кускам? – слегка обеспокоился уль-Айяз.

– Почему по кускам? – удивился Конан. – Целиком. И даже живой. Во всяком случае, когда я его туда кидал, он вовсю вопил и брыкался.

Доставленный в общий зал бочонок стражи порядка немедля вскрыли. В нем обнаружилось около пятидесяти симпатичных кругляшек с изображением немедийского дра-

кона и еще с два десятка тяжелых туранских империалов, масляно отсвечивающих золотом высокой пробы.

– Нам лишнего не надо, – бормотал себе под нос Шетаси, проворно раскладывая монеты на кучки. Отсчитав положенную мзду, он задумчиво глянул на Конана и подвинул к нему десяток монет, провозгласив:

– Делим по справедливости и сообразности, то есть пополам.

Хорошим знанием науки счисления варвар похвалиться не мог, однако заподозрил, что половина сегодняшней добычи уль-Айяза должна составлять гораздо больше, нежели жалкие десять талеров. Понимал это и месьор письмоводитель, с гортанным хохотком растолковавший:

– Половины, сынок, бывают разные. У тебя подружка есть?

– Есть, – кивнул начинающий человекоохранитель.

– И красивая?

– Мне нравится, – несколько растерянно сказал Конан, гадая, к чему эти расспросы. Нет, знакомить месьора уль-Айяза с Диери он, пожалуй, не станет.

– Ну-у тогда… – Шетаси поколебался, однако добавил к доле подчиненного еще пяток империалов. – Купи ей какую-нибудь побрякушку. И смотри вокруг получше, запоминай, как дела делаются. Седмицу вместе походим, а потом посмотрим, народ к тебе попривыкнет, может, тебя одного выпускать можно будет… Завтра к полудню приходи в упра-

ву, заглянем на Каменный рынок, больно там умельцы резать кошельки расшалились. Да еще за одним человечком приглядеть надобно, что-то он подозрительным мне кажется…

Совет Наставника относительно подарка для подружки Конан выполнил, но в «Хромую лошадь» явился далеко заполночь, когда Диери уже легла спать. Ши отсутствовал – либо ушел резаться в кости, либо отправился навестить очередную симпатию.

«Рассказать им, что я нанялся в Сыскную Когорту? – размышлял Конан, устраиваясь рядом с сонно пробормотавшей что-то вопросительное девушкой. – Пожалуй, не стоит. Смеяться будут, особенно Ши. Нет, не скажу».

Открыть тайну все-таки пришлось, и ничего хорошего, как верно догадывался Конан, из этого не вышло. Постоянное злоязычие Ши Шелама привело к тому, что вскоре киммериец не выдержал и перебрался из «Хромой лошади» в казармы при городской управе, где обитала большая часть подчиненных Рекифеса. Диери решение приятеля чрезвычайно расстроило, а Ши втайне обрадовался, рассчитывая занять временно опустевшее местечко поблизости от Деяниры. Коварные замыслы пока не увенчались успехом, но Ши не терял надежды.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Конное ристалище

Гонг!

Тягучий бронзовый звук еще плыл в жарком воздухе, когда дверцы десятка крохотных загонов распахнулись, выпуская на Конное Поле разноцветную, стремительную лавину. Плотно сбитая группка лошадей вскоре обернулась длинной цепочкой и понеслась к заветной алой ленточке, означавшей финал забега, под нарастающее улюлюканье и вопли зрителей.

– Ерунда, развлечение для швали с дешевых мест, – авторитетно пояснил Шетаси уль-Айяз и сплюнул вишневой косточкой точно в макушку промышлявшего в проходе между скамьями нищеброда. – Молодняк выпустили, посмотреть, кто чего стоит.

Конан покивал, дабы показать, что внимает словам почтенного Наставника. На самом деле его целиком и полностью захватило азартное действо на дорожках Поля. Грохочущий множеством копыт вихрь пронесся по прямому отрезку, тянувшемуся вдоль трибун, взлетел над очередной преградой, и умчался дальше, оставив на память о себе развороченный дерн и тонкое облачко пыли.

Внизу засуетились фигурки служителей, торопливо по-

ливавших землю водой и разравнивавших вмятины. Появилась и знаменитая ярко-красная лента – она перечеркнула поле как раз напротив трибуны для судейских и благородного сословия. С обеих сторон на бровке встали надзиратели, чья обязанность заключалась в том, чтобы как можно точнее удостовериться, которая из лошадей первой сорвет ленточку.

– Идут, идут! – зашумели внизу, в колыхавшейся вдоль ограждений Поля толпе. Кто-то пронзительно засвистел.

На сей раз у надзирателей не возникло никаких сложностей с определением победителя – впереди всех несся, далеко вытянув голову и резко выбрасывая ноги, буланый конек, на предыдущем круге скромно отиравшийся в самом конце вереницы. Теперь он обогнал соперников по меньшей мере на два-три корпуса, и не сразу сумел остановиться, прогарцевав до самого конца трибун. Алая лента зацепилась за стремя всадника и весело трепыхалась на ветру.

– Нынешней зимой покажет себя по всей красе, – вынес решение уль-Айяз и лениво повернулся, взглянуть на огромный дощатый щит, заметный со всех концов немаленького Конного Поля. Там как раз вывесили отрез белой ткани с намалеванными громадными буквами номером и кличкой победителя. Для не умеющих читать или сидящих слишком далеко известие повторяли вслух – по бокам от щита громоздились две внушительные, причудливо изогнутые и сверкающие надраенной медью трубы. В случае необходимости из

них исторгался рев, способный заглушить царящий над Конным Полем непрестанный гомон и разносившийся на всю округу.

«Интересно, Ши выиграл что-нибудь на этой лошади? – Конан украдкой посмотрел наверх, туда, где отводились места для небогатых горожан, желающих насладиться одним из любимейших шадизарских развлечений. – Он, конечно, клятвенно обещал не разбрасываться деньгами и ставить только на тех, которые наверняка придут первыми, но это же Ши! У него золото просто в руках не держится, просыпается между пальцев!»

Попытка разглядеть в пестрой сумятице маленькую компанию знакомых, среди которых болтался Ши Шелам, успехом не увенчалась. Конан знал, что они там, на верхнем ярусе трибун – Ловкач, его нынешняя симпатия Юнра Тавилау, Диери, Гайраль-карманник, Рибеке по прозвищу Хорек, подручный в меняльной лавке, да вдобавок их подружки. Им наверняка весело, сидят себе, глазеют и развлекаются, а он даже не может подойти к собственной девушке! Потому что, видите ли, кое-кто вбил себе в голову: стоит знакомым углядеть поблизости начинающего человекоохранителя из Сыскной Когорты, и короткую жизнь Ши Ловкача можно считать завершенной.

– Не отвлекайся, – неожиданно зашипел над ухом Шетаси. – Никуда твои дружки разлюбезные не денутся. Мы сюда зачем пришли, не забыл? По сторонам глазеть? Или хочешь,

чтобы Его милость Рекифес устроил нам веселую жизнь за нерадение?

– Не хочу, – отозвался подопечный, злорадно подумав про себя: «Сам-то сначала помчался искать посредника и монету ему совать, чтобы сделать ставку, а меня погнал искать поднадзорного!»

Личность, слежку за которой возложили сегодня утром на почтенного Шетаси и его юного воспитанника – средней руки купец – торчала несколькими рядами ниже, в обществе парочки хихикающих девиц с Улицы Соблазнов, и уходить пока не собиралась. Конан тщетно гадал, чем обычнейший торгаш мог заинтересовать Верховного Дознавателя, но спросить у Шетаси не решился. Люди ведь частенько кажутся не тем, что они есть на самом деле. Возможно, от купчишки тянется куда-то длинная ниточка…

По Ристалищу пробежала заметная волна напряжения. Надсадно взвыли трубы, загромыхал большой барабан, извещая о грядущем начале следующей скачки. Многократно усиленный кованой медью голос служителя принялся монотонно перечислять клички лошадей, имена наездников и владельцев животных. Шетаси, словно поддавшись общему порыву, встрепенулся, и, мигом забыв о собственном указании, пробормотал:

– Вот теперь начнется… Брось ты пялиться на этого старого идиота, куда он денется! На поле посмотри! Выводят, выводят! Вон они!

– Кого выводят? – не понял киммериец.

– Да Феникса же! Чем ты слушаешь, сынок, ушами или задницей? – возмутился уль-Айяз и сердито прикрикнул на сидевших впереди, чтобы не загораживали обзор. – Нынче же последние состязания перед Большим Осенним Призом. Могу побиться об заклад на свое месячное жалование, что Феникс с легкостью возьмет и эту скачку, и Нефритовый Кубок!

Конан ничего не ответил: он сообразил, что имеет в виду уважаемый Наставник и теперь высматривал среди церемонно вышагивающих по дорожкам скакунов Огненного Феникса и Тархалла. Ошибиться, не признав нынешних любимцев Шадизара, невозможно. Они сами бросаются в глаза: сухощавый, тонконогий жеребец песочно-рыжей масти в аккуратных белых чулочках, и его наездник – невысокий, хрупкого сложения туранец, издалека смахивавший на подростка. Конь, словно сознавая свою высокую цену, с достоинством косился по сторонам темно-фиолетовыми, блестящими глазами, раздувал ноздри и зло фыркал на соперников.

Шетаси уль-Айяз изрядно бы поразился, узнав, что его молодой подчиненный может похвастаться знакомством со знаменитостью Конного Поля – однажды Конану довелось посидеть за одним столом с Тархаллом из Аграпура и услышать много интересного. Произошла встреча по чистой случайности (на самом деле дружбу с туранцем водил Аластор Кайлиени, лучший из взломщиков, нынче, к величайшему

огорчению приятелей и удовольствию властей, уехавший на Полуденное Побережье), однако запомнилась надолго. Подросток-варвар с удивлением обнаружил, что склонный позубоскалить и угоститься за чужой счет наездник Тархалл совершенно справедливо полагается одним из немногих честных людей в Шадизаре.

Завершив традиционную проездку по кругу перед трибунами и поприветствовав судейскую коллегию, всадники неторопливой вереницей направились к месту начала гонки. Между зрительских рядов засуетились те, кто замешкался с решением – на какую из лошадей ставить. Громкие выкрики посредников: «Белое Облако – один к трем!», «Вояка – три к двум!» – оставались пока для Конана тайной за семью печатями, хотя сперва Ши, а затем уль-Айяз старательно пытались разъяснить новичку тонкости игры на конских бегах. Пока он твердо усвоил единственное правило: со звоном колокола, извещающим, что лошади разошлись по загончикам, прием ставок прекращается. Потом на Большой трибуне ударят в гонг, и начнется собственно скачка.

– Последний забег! – громогласно оповестили зрителей медные трубы. – Участвуют…

На сей раз Конан слушал повнимательнее – Огненный Феникс бежал третьим. К именам лошади и всадника присовокупили загадочное «два к одному», отчего завсегдатаи Конного Поля восторженно взвыли, а уль-Айяз довольно хмыкнул, и, не дожидаясь вопроса неразумного ученика, внуши-

тельно растолковал:

– Ежели бы у тебя, сынок, имелась пара лишних золотых империалов и ты их поставил на Феникса, то по окончанию скачки получил бы целых три, уразумел?

– А если Тархалл не придет первым? – здраво предположил киммериец. – Тогда никому ничего не достанется, так?

– Феникс не выиграет? – искренне засмеялись ярусом ниже. – Ну, повеселили! Эй, мальчик, коли не разбираешься в лошадях, то сиди, помалкивай и слушай умных людей!

– Вот именно, – поддержал неизвестного нахала Шетаси. – Выдумал еще глупость: Огонек не выиграет! Да как он может не выиграть, когда второго такого коня во всем городе… да что в городе! Во всей Заморе не найти! У него и возраст самый подходящий для скачек, и всадник, какого поискать!

– В Туране, говорят, с ними больше тягаться не рискуют, – насплетничали сверху. – Визирь Замбулы предлагал отсыпать за это четвероногое золотом по весу, и как думаете, почтеннейшие? Отказали бедолаге визирю, как есть отказали!

– Я слышал, после нашего Приза они в Немедию надумывают податься, – донеслось откуда-то слева.

– Значит, Бельверус ждет сплошное разорение, – хихикнули справа.

Часто забил колокол. Кучки игроков, толпившиеся вокруг посредников, быстро рассеялись – кто вернулся на свои места на ярусах, кто ссыпался вниз, надеясь увидеть скачку поближе.

– Четыре круга с преградами и водными ямами, – уль-Айяз предвкушающе подался вперед, выбивая пальцами частую дробь по скамье. – Ну, только не подведи!

Из последнего восклицания Наставника следовало, что досточтимый Шетаси пожертвовал своими империалами в пользу безусловного победителя, Огненного Феникса. Наверняка так же поступил и Ши, на котором висит изрядная сумма невозвращенных долгов. «В следующий раз, – решил Конан, – надо будет самому попробовать сыграть. Вдруг получится?»

Гонг! Звонкое хлопанье открывающихся настежь дверец. Слитный глуховатый топот четырех с лишним десятков копыт. На трибунах даже не успели разобрать, кто захватил голову скачки, так быстро пронеслись мимо кони. Смачно хлюпнула вода во взбаламученной неглубокой яме, разлетелись грязные брызги, и кавалькада унеслась дальше, огибая плавный изгиб дорожек и приближаясь к следующему препятствию.

* * *

Хотя лошадям предстояло одолеть четыре круга, страсти разгорелись уже на первом. Вперед вырвался гнедой скакун, чей короткий хвост украшал пучок шелковых ленточек. Ка-

кое-то время гнедой (сидевший ярусом выше знаток сообщил, что жеребца зовут Упрямцем, а привезли его из Дарема, столицы соседней Коринфии) изо всех сил старался удержаться на первом месте, затем начал отставать, перейдя в замыкающие. Хваленый Огненный Феникс пока ничем особенным себя не проявил – как вполголоса пояснил Шетаси, такова всегдашняя привычка Тархалла. Пускай соперники выматываются, азартно оспаривая первенство. На третьем или четвертом круге Феникс, по виду которого почти невозможно предположить, будто он устал, начнет прокладывать себе дорогу к победе.

Как не хотелось Конану отвлекать Наставника, но любопытство и стремление узнать что-то новенькое оказались сильнее.

– Скажем, Феникс в самом деле такой несравненный, как о нем сплетничают, – начал он, дождавшись, когда лошади завершат второй круг пробега и удалятся от трибун. – Однако распоряжается-то им человек…

Шетаси презрительно хмыкнул.

– Ясно, к чему ты клонишь. Хорошее предположение, особенно для нашего развеселого городка. Только имеются кое-какие помехи. Для начала вспомним о законах чтимого всеми любителями и участниками бегов Аддаха Рабиля, коий шестой год является владельцем сего процветающего заведения. Рабиль, едва став хозяином Конного поля, заявил, что никаких мошенничеств с лошадьми он не допустит. «Ника-

ких» – это, конечно, он хватил через край. Посредники на ставках хоть малость, да жульничают, и наездники, особенно у кого с золотишком туго или кто пожаднее, лошадей придерживают. Месьор Рабиль, когда узнает про подобных умников, гонит с Поля паршивой метлой, но всех за руку не схватишь. А нынешняя скачка будет честной от начала до конца еще и потому, что среди наездников есть Тархалл.

– Тархалл Неподкупный, – с ехидным смешком добавил сплетник сверху.

– Зачем ему брать чужое золото, когда у него своего завались? – согласился уль-Айяз. – Тархалл служит у Барча ит'Каранга, побочного сынка аграпурского градоправителя и на деньги этой лихой парочке плевать с высоких белых стен туранской столицы. У Барча полная конюшня отборных скакунов, Огненный Феникс, чистокровный саглави, которого за последние два года еще никто не обгонял, поэтому он и Тархалл могут позволить себе роскошь быть честными людьми.

– Вдобавок ит'Каранг помешан на лошадях и мечтает обзавестись коллекцией призов из всех стран Заката и Восхода, – присовокупил голос с верхнего ряда. – Туранские у него уже есть, заморийские скоро будут. С чем его и поздравляю.

Конан не выдержал и оглянулся – посмотреть, кто столь хорошо осведомлен о тайной жизни Конного Поля. Увидев, пожелал немедля провалиться сквозь землю и проклял себя за недогадливость. Ведь слышалось же в голосе нечто знако-

мое! Теперь сплетни разлетятся во всему кварталу Нарикано и окрестностям, а Ши придется срочно переезжать.

«С другой стороны, – попытался здраво рассудить киммериец, – на мне же не болтается вывески с надписью „Сыскная Когорта“! Знака человекоохранителя мне пока не выдали, а тот, который принадлежит Шетаси, спрятан. Мало ли с кем я могу водить компанию?»

Сидевший ярусом выше молодой человек принадлежал к семейству Тавилау, доводясь хитроумной Юнре одним из многочисленных сводных братьев или племянников. Злые языки поговаривали, что семье Тавилау пора присвоить звание шайки, ибо их расплодилось слишком много и каждый воображает себя умнее прочих. Заправляли среди Младших Тавилау Юнра и ее братец Адриеш, недавно вернувшийся из Аквилонии, где он успешно завершил обучение в Тарантийской Обители Мудрости. На совести Адриеша лежала идея создания «Вестника Шадизара», листка с изложением последних новостей и мнением Семейства по различным вопросам городской жизни. «Вестник» занимался тем, что изводил дознавателя Рекифеса упреками в бездействии, напоминал правящему Совету, что взяточники рано или поздно попадаются, высмеивал слишком прижимистых торговцев и вовсю наживал врагов.

К счастью, Тавилау-младший сделал вид, будто всецело поглощен созерцанием бегов и ему нет никакого дела до всяких там начинающих человекоохранителей.

Между скакунами, как раз вышедшими на третий круг, в самом деле развернулось нешуточное состязание. Феникс прибавил скорости, без труда пробившись в главенствующую тройку, на прыжке через яму оставил позади начавшую выдыхаться соловую кобылу и вклинился между двумя соискателями красной ленточки победителя. Справа от золотистого саглави тяжелым галопом шел массивный вороной жеребец, слева, отчаянно дергая головой, мчался серый в яблоках скакун офирской породы.

– Вороной – аренджунский Вояка, серого офирца кличут Летящей Стрелой, он наш, из Шадизара, – уль-Айяз незаметно для себя встал со скамьи, опомнился и торопливо плюхнулся обратно, невнятно бормоча: – Ах, как идут! Как идут, сынок! Сейчас он их обойдет! Ну, пошел же, пошел!..

Феникс, аккуратно подобрав длинные ноги под корпус, взмыл над очередным препятствием из ошкуренных жердей и словно завис на миг, давая восторженным зрителям полюбоваться собой. Приземлился, крутанув жестким хвостом и на малую долю обогнав пепельную Стрелу. Легким, привычным движением рванулся дальше – продолжить то ли бег, то ли полет, почти не касаясь земли…

Никто толком не понял, что именно случилось. Просто у самого края трибун Феникс вдруг шатнулся, неуклюже врезавшись в тяжеловесного Вояку и едва не сбив того с ног. Обозлившийся вороной, не слушаясь наездника, без размышлений куснул обидчика, и тут сзади в них со всего раз-

гону врезались скакавшие позади лошади. Гнедой Упрямец чудом проскочил возникшую свалку навылет и понесся дальше, но прочие сбились в неразборчивую мешанину ржущих голов, взмахивающих рук и клубов пыли.

Какая-то женщина, сидевшая в первых рядах, пронзительно завизжала. Из неразберихи вывернулась соловая кобыла со сбившимся набок пустым седлом и кособоко затрусила в сторону поросшей зеленой травой лужайки, занимавшей центр Поля. Появился уцелевший Вояка, безжалостно нахлестываемый всадником, добежал до следующей водной преграды и внезапно замер, уперевшись в землю всеми четырьмя ногами. Наездник перелетел через низко наклоненную голову лошади и смачно плюхнулся в желтоватую воду.

– Ой-ей… – выдохнул Шетаси, ошеломленно созерцая творившееся внизу безобразие. Длилось оно не более десяти ударов сердца и закончилось столь же внезапно, как началось. Кавалькада помчалась дальше: наверстывать драгоценные потерянные мгновения и догонять неожиданно захватившего почетный титул предводителя скачки Упрямца. О происшествии свидетельствовали только потерянно бродившие лошади без седоков, среди которых выделялся светло-рыжий жеребец. Сначала он, заметно припадая на правую сторону, бросился вслед за остальными, но опомнился, вернулся обратно и затоптался подле неподвижной фигуры, лежавшей посреди беговых дорожек.

На трибунах встревожено зашумели. Второй упавший на-

ездник с трудом поднялся, захромал к сотоварищу, присел рядом и спустя несколько мгновений отчетливо прокричал зрителям: «Эй, кто-нибудь! Пошлите к судейским за лекарем! Да шевелитесь, демон вас раздери! Тархалла затоптали!»

От Большой трибуны вдоль бровки поля уже бежал с десяток человек в форме служителей Ристалища. Следом, подпрыгивая, катила запряженная малорослым коньком одноколка с ярко-зеленым кожаным пологом – к месту происшествия спешил не то лекарь Конного Поля, не то сам владелец ристалища.

– Плакали мои империалы горькими слезами, – со вздохом искреннего сожаления пробормотал уль-Айяз. – Отчего бы этой распроклятой кляче не грохнуться в другой день? Почему именно сегодня?

– Добро бы он шлепнулся на препятствии или поскользнулся в яме, – раздумчиво проговорил Тавилау-младший, забравшийся на скамейку, дабы получше рассмотреть сумятицу на дорожках. – В конце концов, никто не может всегда оставаться победителем. Даже лучшие из лошадей иногда падают, – он спрыгнул вниз и добавил: – Жаль Тархалла. Если не разбился насмерть, то вновь мы увидим его не раньше, чем через полгода. Феникс, говорят, не признает других наездников… Что на него нашло? Отлично бежал и споткнулся на ровном месте.

Издалека донеслись жидкие хлопки – Летящая Стрела,

обогнав уже поверившего в победу Упрямца, завершил скачку. Вид у коня и всадника был одинаково обескураженный: на первое место они наверняка не рассчитывали, заранее соглашаясь на третье или четвертое, и теперь совершенно не представляли, как себя вести и как быть.

– М-да, случается, – глубокомысленно кивнул Шетаси и огляделся, ища поднадзорного. Тот с досадой разорвал на мелкие клочки и выбросил маленькие пергаментные листочки, на которых записывалась величина принятой ставки, и поднялся, намереваясь уходить. Девицы с двух сторон нашептывали ему что-то утешающее, уговаривая не расстраиваться из-за потери денег.

– Сколько хожу на скачки, такое вижу впервые, – рассуждал сам с собой молодой представитель семейства Тавилау. – Толкнули Феникса, что ли? Зато как повезло тем, кто ставил на Стрелу! Из какого расчета на него принимались ставки, почтеннейшие? Один к пяти? Это получается… – он закатил глаза и быстро зашевелил губами, высчитывая, – по пяти полновесных империалов за один жалкий талер?..

Шетаси пробурчал в ответ нечто яростно-неразборчивое и дернул за рукав странно затихшего подопечного, неотрывно глядевшего вниз, на Поле.

Поступок, который совершил в следующий миг начинающий человекоохранитель, поразил его самого. Цепким движением выхватив из пояса Наставника латунную бляху с драконом Немедии, он загрохотал по лестнице, прыгая через

три ступеньки и расталкивая пробиравшихся к выходу зрителей. Сиганув через ограждающий дорожки высокий деревянный барьер, Конан врезался в собравшуюся у места падения наездника изрядную толпу, и надсадно прокричал, размахивая блестящим знаком:

– Сыскная Когорта! Всем разойтись, ничего не трогать! Эй, ты! – он повернулся к ближайшему служителю: – Ноги в руки и побежал за городской стражей, патруль торчит у Главного входа! Пусть оцепят это место и никого не подпускают! Ты – к владельцу Поля! Известишь его о том, что случилось! Где лекарь? Носилки какие-нибудь есть? Нет? Тогда грузите в повозку! Он еще жив?

Почтеннейший уль-Айяз, наблюдая за бурной деятельностью подопечного, только растерянно крякнул. Подросток-варвар вел себя настолько самоуверенно, что никто не усомнился в его праве отдавать приказы. Кольцо зевак постепенно разомкнулось и начало рассеиваться, особенно когда появились стражники и принялись подталкивать замешкавшихся древками копий. Бедолагу Тархалла, напоминавшего наполненный осколками костей мешок в виде человеческого тела, с величайшей осторожностью взгромоздили на сидение повозки и медленным шагом повезли к видневшимся на другой стороне Поля белым зданиям служб. Кто-то попытался схватить Феникса за болтающуюся уздечку, за что был незамедлительно укушен и с воплем бросил ремень.

Хромающий саглави заковылял следом за печальной про-

цессией, словно верный конь павшего в бою полководца.

* * *

Довольно странное общество собралось нынче в обширном внутреннем дворе дома, принадлежавшего достопочтенному Аддаху Рабилю, содержателю Конного Поля в шумном городе Шадизаре. Не считая самого месьора Рабиля, невысокого человека средних лет с желчным взглядом, смягчавшимся только когда речь заходила о конских статях, во дворе столпились: чрезмерно суетившийся представитель Судейской Коллегии с помощником, личный писец хозяина Поля, лекарь, несколько примчавшихся на шум из расположенных поблизости конюшен наездников и их подручных, не считая конюхов, тщетно пытавшихся угомонить метавшегося Огненного Феникса и отвести его в стойло, парочки приятелей Рабиля, завсегдатаев бегов, и двоих Стражей Сыскной Когорты – постарше и помладше. Предводительствовал, как ни странно, варварского обличья юнец. Его более пожилой спутник предпочитал держаться в уголке и только корчил скорбную физиономию, соответствующую моменту.

Еще одного присутствующего отныне не волновали никакие земные трудности. Наездник Тархалл скончался по дороге, не приходя в сознание, о чем во всеуслышание сооб-

щил лекарь Конного Поля, накрывший труп вытертой попоной.

– Кто-нибудь видел, как он упал? – с плохо скрываемой яростью в голосе вопросил Аддах, обращаясь к стоящим вокруг людям.

Начавшуюся разноголосицу оборвал Конан, потребовавший, чтобы рассказывали по очереди и не прерывали говорящего.

Общее мнение гласило: саглави потерял равновесие без всяких видимых причин. Всадники утверждали, будто такого не может быть, их поддержали видевшие забег со стороны зрители. Те и другие хором твердили, что дело нечисто и обязательно нужно что-то предпринять.

По совету Шетаси киммериец, прихватив с собой парочку стражников, заранее осмотрел злосчастное препятствие, миновав которое, Феникс сбился с галопа. Преграда выглядела, как любая другая на Ристалище: высотой в три локтя, из тонких жердей, ошкуренных и выкрашенных в чередующиеся белые и красные полосы. Ничего подозрительного в ней не обнаружилось, также как и в расположенной дальше неглубокой яме, наполненной мутной водой, и на изрытом лошадиными копытами участке между ними…

Слушавший перепалку месьор Рабиль то и дело искоса бросал изучающий взгляд на человекоохранителей, обдумывая про себя нечто серьезное. Решив, внезапно махнул рукой, заставив всех умолкнуть и распорядившись:

– Друзья мои, полагаю, сейчас нам лучше разойтись. Я сам займусь этим тягостным делом. Гебали! – лекарь кивнул. – Позаботься о том, чтобы тело покойного наездника доставили в дом почтенного ит'Каранга. Кстати, он сам в городе?

– Нету его, – паническим полушепотом выговорил судейский. – Он в Карпашских горах, осматривает табуны и закупает новых лошадей. Обещал вернуться только к Осеннему Призу, а какой теперь Приз? Что ж делать-то, господин Рабиль? Сорвется скачка, помяните мое слово, непременно сорвется! Без Феникса…

– Значит, обойдемся без Феникса! – злобно рявкнул Аддах, и оторопевший чиновник отступил на пару шагов. – Кому-то придется наведаться в горы и разыскать Барча… – владелец Поля на краткий миг замешкался, наверняка представляя, как воспримет эту новость ит'Каранг, подобно большинству туранцев, отличавшийся крайне вспыльчивым характером. – Кто поедет? – он оглядел своих подчиненных. – Желающие есть? Нет? Имрет, тогда придется тебе. Уж не обессудь.

Принудительно назначенный доброволец из числа наездников состроил гримасу:

– Имей в виду, я делаю это только ради тебя и Тархалла. Если Барч в ярости ненароком меня прибьет, ты оплатишь похороны.

– Отправляйся как можно скорее, – сухо отрезал Аддах и поманил сыскных за собой, в жидкую тень под обегавшим

двор навесом. Мимо провели наконец-то пойманного Феникса, и владелец Поля, глянув на золотистого коня, дернул углом рта:

– Лучший жеребец, который мне когда-либо попадался, но с таким скверным нравом – не приведи боги… Сочувствую ит'Карангу: сегодня он потерял и отличного наездника, и превосходную лошадь.

– Огонек больше не сможет выступать? – подал голос Шетаси. – Ноги у него вроде в порядке, шея не сломана. Он, конечно, поцарапанный и изрядно побитый, но…

– Просто я сомневаюсь, что Феникс согласится признать какого-либо другого всадника, кроме Тархалла, – коротко пояснил месьор Рабиль.

– И что с ним теперь станется? – поинтересовался Конан.

– Владелец решит. Может, поставит в конюшню и сделает папашей множества отборных жеребят. Или продаст втридорога, – Аддах отвернулся от выгуливаемого на растяжках саглави, никак не желавшего успокоиться и постоянно старавшегося цапнуть или лягнуть оказавшегося поблизости человека. – Поговорим о наших трудностях. Вы – люди из Сыскной Когорты Рекифеса, так? И всерьез собираетесь заняться причинами падения этого четвероного мерзавца?

– Почему «мерзавца»? – удивился киммериец. Ответа он не дождался – должно быть, у месьора Рабиля имелись свои, скрытые от посторонних ушей причины невзлюбить красавца Феникса. – Да, мы считаем, что этот случай чрезвычайно

подозрителен. Разве нет?

– Что-то мне давно не попадались сыскные, горевшие желанием в чем-нибудь разобраться, – вполголоса пробормотал Аддах. – Должно быть, Рекифес отыскал-таки средство заставлять своих подчиненных работать… Ладно, чем я могу помочь, коли вы так решительно настроены, молодой человек? Можешь ходить по службам Поля и разговаривать, с кем пожелаешь, но добиваться честных ответов тебе уж придется самому. Ристалище – маленький тесный мирок, куда редко допускают посторонних. У нас тут все вращается вокруг да около лошадей. Если узнаете что-нибудь полезное, не забудьте поделиться. Кстати, если вам понадобятся какие-либо средства, обращайтесь прямо ко мне.

При упоминании о «средствах» Шетаси уль-Айяз внезапно оживился, рассыпавшись в многословных заверениях, что злоумышленника или злоумышленников вскорости непременно разыщут. Конан же, поразмыслив, спросил, не доходили ли до владельца Поля какие-нибудь слухи, касающиеся покойного Тархалла. Вдруг кто-нибудь ему угрожал или намекал на то, что хорошо бы в будущей скачке Феникс пришел не первым, а вторым или третьим?

– Вряд ли, – покачал головой Аддах. – Во-первых, все знали, что Тархалл подобными трюками не балуется, а во-вторых, боялись Барча. У туранца весьма незамысловатая и действенная манера расправляться с теми, кто задумывает сделать ему пакость… В общем, желаю успехов на поприще вос-

становления справедливости, а у меня сегодня своих забот полно.

После столь нелюбезного прощания владелец Конного Поля развернулся, чтобы уйти, но киммериец окликнул его:

– Почтеннейший, мы забираем лошадь.

– Что? – месьор Рабиль вмиг потерял всю свою невозмутимость. – Как забираете? Куда?

– На конюшню Сыскной Когорты, – объяснил Конан, – поскольку конь теперь будет этим… – молодой человекоохранитель едва не прикусил язык, лихорадочно вспоминая мудреное слово, и все-таки вспомнил: – вещественным доказательством.

– Доказательством чего? – ядовито осведомился Аддах. – Милейшие, вы уверены, что Феникс через пару дней не сдохнет от казенных харчей? У вас там кто-нибудь способен ходить за лошадьми? Учтите, если коню причинят хоть малейшее неудобство, Барч с вашей Когорты шкуру спустит. Вас не спасет даже грозный Рекифес. Оставьте Феникса в покое. Никуда он отсюда не денется.

– Положено, – упрямо стоял на своем варвар, и Рабиль, сдавшись или не желая спорить, устало махнул рукой:

– Демон с вами, уводите эту тварь. Только напишите расписку – мы, такие-то и такие-то, служащие Сыскной Когорты, такого-то дня… Своеручная роспись, печать – как положено. Мне, знаете ли, совсем не хочется ругаться с ит'Карангом по поводу его ненаглядного скакуна.

Для написания требуемой бумаги призвали писца с необходимыми принадлежностями. Шетаси уль-Айяз, сопя от усердия, приступил к созданию документа, а Конан решил поближе взглянуть на причину нынешней драмы.

Причина скосила на незнакомца выпуклый лиловый глаз, захрапела и сделала удивительно точный выпад передней ногой, промахнувшись всего на полпальца. Раздосадованный неудачей, жеребец возмущенно заржал и попытался вскинуться на задние ноги, чему помешали двое конюхов, изо всех сил вцепившихся в ремни растяжек. Блеснули новенькие шипастые подковы, и вовремя отскочивший киммериец с легким ужасом прикинул, как он и Шетаси поведут эдакого зверя почти через весь город к зданию Когорты. Кажется, он погорячился с «вещественным доказательством», но пути обратно отрезаны – вон почтеннейший Наставник уже прикладывает к листу пергамента окунутую в зеленый сургуч маленькую печатку с изображением дракончика.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Вещественное доказательство

Считается, что жителей Шадизара ничем не удивить. Мол, в этом городе ежедневно случается столько из ряда вон выходящих событий!..

Однако маленькая процессия, двигавшаяся вдоль улицы Девро, без особого труда удостоилась внимания окружающих.

Процессия состояла из двух человек и одного чрезвычайно раздраженного коня туранской породы саглави. Золотисто-рыжий жеребец всячески пытался насолить взъерошенному подростку-варвару, чувствовавшему себя самым несчастным обитателем Заморы (а может, и всего Материка…), но упрямо тянувшему скакуна за собой. Некоторые из зевак, заметив на кожаной безрукавке молодого человека криво пришпиленную бляху Сыскной Когорты, ехидно интересовались, чем провинилось бедное животное. Кто-то громогласно осведомился, скоро ли состоится казнь четвероногого преступника и будет ли ей предшествовать показательное судилище.

Скорбно вздыхающий Шетаси уль-Айяз предпочел держаться от воспитанника и пребывающего в скверном расположении духа жеребца в разумном отдалении. Еще до выхо-

да с Конного Поля он попытался отговорить подопечного от безумной затеи, но разве можно вести пристойную беседу, когда рядом фыркает и храпит разъяренный конь?

Воображение почтенного уль-Айяза разыгралось не на шутку, с готовностью рисуя в самых черных красках предстоящее объяснение с месьором Рекифесом. И с Барчем ит'Карангом, который через два-три дня прибудет в город, горя желанием узнать, куда накануне Осеннего Приза подевалась его лучшая лошадь. Все беды оттого, что мальчишка слишком далеко зашел в своем рвении! Скачки – самое непредсказуемое из игрищ. Даже безусловный победитель может перед самым концом забега споткнуться о крохотный камешек и полететь вверх тормашками. Единственный умный поступок, который совершил подопечный – заручился обещанием поддержки у Рабиля. Всенепременно нужно воспользоваться этой поддержкой, причем желательно, чтобы она выражалась в круглой сумме золотых либо серебряных монет…

За печальными размышлениями уль-Айяз не заметил, как они преодолели длинную и шумную Девро, миновали незримую границу между издавна соперничающими кварталами Скена и Ночная Пустошь, свернули налево и вышли к казармам Сыскной Когорты. У ворот маялся скучающий стражник. Завидев приближающихся человекоохранителей, он поперхнулся неоконченным зевком и осведомился:

– Это что?

– Конь, – раздраженно буркнул Конан. Огненный Феникс высокомерно обозрел растерянного караульного, растрескавшиеся створки и видневшийся за ними мощеный двор, поразмыслил и решил, что входить ему не хочется. В подтверждение замысла саглави попятился, стараясь выдернуть из рук варвара удила.

– А зачем вы его сюда привели? – ошеломленно заикнулся стражник.

– Побудет живой уликой, – объяснил уль-Айяз и вполголоса поинтересовался: – Рекифес здесь?

– Куда он денется… – горестно вздохнул караульный и обеспокоено воззрился на занимавшихся перетягиванием кожаного ремешка подростка и рыжего коня. – Куда вы его собираетесь поставить?

– В конюшню, само собой, – удивился вопросу почтенный Шетаси.

– Там крыша протекает, – с готовностью доложил страж порядка. – И дверь сломана.

– Но каких-то лошадей там держат? – пропыхтел Конан, коему наконец удалось втащить упрямого жеребца за ворота.

– Водовозную клячу и двух старых меринов для курьеров, – пожал плечами караульный. Оглянулся и быстрым шепотом добавил: – Между прочим, сюда идет Рекифес.

Шетаси мысленно пожелал оказаться как можно дальше от Казарм и от Шадизара. Скажем, на Полуденном Побережье. И чтобы поблизости не шлялись никакие молодые и

целеустремленные варвары, а также породистые скакуны с мерзким характером и разъяренные начальники, способные под горячую руку испортить жизнь кротким, ни в чем не повинным подчиненным.

Месьор Рекифес, впрочем, разъяренным не выглядел. Скорее, чрезвычайно удивленным. Он внимательно оглядел храпящего коня, съежившегося уль-Айяза и растерявшего изрядную часть своей самоуверенности новичка, после чего спокойно поинтересовался:

– Если мне не изменяет зрение, это прославленный Огненный Феникс?

– Он самый, – хором подтвердили Шетаси и Конан. Саглави, услышав свою кличку, поставил уши топориками и подозрительно скосился на Верховного Дознавателя, – вероятно, задумывал новую каверзу.

– Разве ему не положено сейчас быть на Конном Поле? И почему он такой… грязный и потрепанный? Его владелец знает, где находится лошадь?

Повисло нехорошее молчание. Поскольку мальчишкой явно овладел приступ немоты, Шетаси решился заговорить первым.

– Он упал, – решительно начал почтенный старший письмоводитель. – Ни с того, ни с сего. Об него споткнулись остальные скакуны и получилась изрядная свалка, едва не погубившая финальный заезд. Пока лошади топтались на месте и лягали друг друга, кто-то из них от души прогулял-

ся по ребрам Тархалла, наездника Феникса. Тот, само собой, помер. Конан решил, что здесь дело нечисто. Месьор Аддах, владелец Ристалища, с ним согласился. А Барча, хозяина Феникса, в городе нету. Он на пастбищах в Карпашских горах. Поэтому мы привели коня сюда. Вот.

Выговорив, Шетаси почувствовал облегчение и заранее смирился с тем, что рассвирепевший Рекифес сейчас отругает их обоих, прикажет немедля доставить жеребца в особняк ит'Каранга и передать нижайшие извинения за самоуправство, а затем распорядится выгнать некоего уль-Айяза вкупе с бесталанным подопечным из рядов Сыскной Когорты. Ну и пусть. Сколько можно бегать за жуликами и рыться в пыльных бумагах?

Дознаватель молча обошел вокруг настороженно следившего за ним коня, скорчил недовольную гримасу и внезапно кивнул:

– Ладно. Ведите его на конюшню и постарайтесь выбрать стойло почище. Не представляю, чем вы станете его кормить…

– Сеном, как всех лошадей, – заикнулся Конан, за что удостоился недоверчивого хмыканья Рекифеса.

– Обошлось, – с невероятным облегчением вздохнул Шетаси, глядя вслед немедийцу, торопливо поднимавшемуся по ступенькам Сыскной Управы. Убедившись, что грозный дознаватель скрылся за дверью, уль-Айяз обернулся к подопечному, ехидно вопросив: – Сынок, что ты теперь собираешь-

ся делать?

– Э-э… – не нашелся с ответом начинающий страж закона. – Для начала посмотрим, куда бы пристроить коня.

– Валяй, – охотно согласился Шетаси. – Я к этой зверюге даже под угрозой смерти подходить не стану.

Караульный на воротах ничего не преувеличил: конюшня Сыскной Когорты и в самом деле пребывала в прескверном состоянии. На ее ремонт вечно не хватало денег, и оттого меж потолочных балок кое-где красноречиво просвечивали голубые кусочки неба, большая часть стойл пустовала, а трое обитателей выглядели весьма запущенными и недовольными жизнью.

Бросив на новое место жительства один-единственный взгляд, Феникс сразу составил о нем крайне невыгодное мнение и пнул ближайшую копну подгнившего сена. Та с шорохом развалилась, наполнив темноватое пустынное помещение запахом преющей травы и мышиных гнезд. Шетаси оглушительно чихнул и с сомнением огляделся по сторонам.

– Пожалуй, вон то подойдет, – высказался он, указывая на клетушку слева от центрального прохода. – Коли ты ее почистишь и приведешь в порядок, и если боги проявят толику благосклонности, то сия драгоценнейшая скотинка сумеет протянуть на наших хлебах денька три-четыре, прежде чем откинет копыта. Надеюсь, к тому времени вернется Барч и заберет ее домой. Послушай, ну зачем тебе понадобилось тащить с собой несчастное животное? И не тверди мне о до-

казательствах! Что ты собираешься доказывать с помощью бессловесной твари? Думаешь, она укажет тебе на преступника? Или расскажет, по какой причине у нее вдруг подогнулись ноги посреди скачки? Кстати, имей в виду – едва по городу пройдет слух, что Огненного Феникса содержат в конюшне, где приличного засова-то нет, сюда сбегутся все наши конокрады.

– Я понимаю, – откликнулся чрезвычайно хмурый подопечный, пытаясь открыть хлипкую дверцу стойла. Та жалобно хрустнула и сорвалась с петель. Уль-Айяз фыркнул, привязанный к столбу жеребец презрительно заржал.

– Раз понимаешь, то почини дверь и заодно выдумай способ помешать желающим свести коня, – посоветовал достопочтенный старший письмоводитель. – Это тебе вполне по силам. И, поскольку ты втянул меня в эту неразбериху, пожалуй, я решил, что стоит предпринять для начала.

– Что же? – Конан мгновенно забыл о необходимости наводить порядок в стойле, а заодно и об осторожности, встав всего в паре шагов от Феникса, да еще непредусмотрительно повернувшись к нему спиной. Коварный саглави не преминул воспользоваться удачным моментом и, развернувшись, от души толкнул мальчишку-варвара головой. Тот едва устоял на ногах, вцепившись в край подвернувшейся под руку старой кормушки.

– Первое правило любого расследования – ищи, кому выгодно, – с пафосом провозгласил Шетаси, делая вид, что не

заметил досадной промашки ученика и откровенно злорадного выражения на длинной, узкой морде жеребца. – Стало быть, нужно выяснить, какие настроения нынче царят на Конном Поле и о чем сплетничает тамошний народ в преддверии Осеннего Приза. Грядущий розыгрыш Нефритового Кубка, сынок – это не шутка. До сегодняшнего полудня любой знаток бегов с уверенностью заявлял: Кубок обеспечен Тархаллу и Фениксу. Теперь – не знаю, не знаю… – он раздумчиво покачал головой и деловито закончил: – Кроме того, все может обстоять гораздо проще. Кто-то решил учинить гадость лично Тархаллу. Врагов и недоброжелателей у него хватало. В общем, я отправляюсь навестить места, где собираются люди, близкие к Ристалищу. Там, должно быть, гул стоит, как в пчелином улье. Верни-ка мой значок, а завтра утром встретимся и поглядим, какую рыбку мне удастся выловить в этой взбаламученной воде.

Подопечный открыл было рот, чтобы возмутиться или задать вопрос, но передумал. С видом покорности судьбе пожал плечами и вручил Шетаси позаимствованную латунную бляху человекоохранителя.

* * *

К вечеру предназначенное для Феникса помещение обре-

ло относительно приличный вид, но возникла пара новых трудностей. Как предсказывали Аддах, Рекифес и многоумный Шетаси уль-Айяз, конь наотрез отказался есть предложенное ему сено, хотя Конан позаимствовал у казенных лошадей их лучшую пищу. Жеребец опрокинул кормушку, расплескал предложенное ведро с водой и теперь безостановочно кружил по стойлу, издавая режущие ухо взвизги, более подходящие свинье. Способов угомонить проклятое животное киммериец не знал.

Затем на многострадальную голову начинающего Стража Когорты обрушилось следующее бедствие. В конюшню заглянул посыльный от Рекифеса. Сочувственно поцокал языком, глянув на беснующегося саглави, и вручил Конану послание от дознавателя.

В прошнурованном пакете обнаружились блестящий значок с дракончиком и десяток пергаментных листов, кое-где заполненных уставным чиновничьим почерком.

– Напишешь доклад о том, что произошло на Ристалище, и завтра с утра подашь Рекифесу, – кратко и безжалостно пояснил вестник. – Да, еще велено передать, чтобы за конем смотрели в оба глаза. Чего он крутится, словно гусь на вертеле?

– Злится, – ответил Конан и растерянно уставился на пергаментные листы, соображая, как одолеть эту неприятность. Дождаться возвращения уль-Айяза и попросить его выручить бестолкового ученика, способного с горем попо-

лам объясняться на местных наречиях, но совершенно не владеющего грамотой? Или улучить момент и сбегать домой, на постоялый двор «Хромая лошадь», обратиться к Ши или Диери? Они, конечно, умеют читать и писать, однако киммериец опасался, что у Ши Шелама вполне достанет предприимчивости и чувства юмора, дабы состряпать такой, с позволения сказать, «доклад», после коего некий Конан Канах птичкой вылетит за двери казарм Когорты.

Может, стоило послушать умного совета и оставить Феникса в конюшнях Конного Поля?..

От тоскливых мыслей варвара отвлекло мелькнувшее в дверях конюшни светло-лиловое пятно, обернувшееся силуэтом боязливо заглядывавшей внутрь женщины. Поколебавшись, незнакомка протиснулась сквозь щель между створками и остановилась, щурясь и привыкая к полумраку.

– Диери? – ошеломленно спросил Конан, узнав незваную посетительницу. – Ты как здесь оказалась?

– Ногами пришла, – девушка брезгливо отряхнула приставшие к подолу туники соломинки. – Наши разбежались кто куда, а мне стало ужасно любопытно, чем закончилась история на Конном Поле. Правда, что Тархалла Туранца насмерть затоптали?

– Правда, – Конан запоздало вспомнил, что Диери тоже присутствовала на печально окончившихся скачках. Девушка тем временем подошла к стойлу и с нескрываемым интересом уставилась на мечущегося коня.

– Ой, Феникс! – обрадованно взвизгнула она. – Огненный Феникс! Почему ты его не почистишь? И зачем его привели сюда?

– Попробуй войди к нему, – огрызнулся киммериец, немедля пожалев о вырвавшихся словах, потому что Деянира решительно распахнула дверцу и очутилась в стойле. – Нет! Осторожно! Он кусается и злобный, как демон!

– Разве? – удивилась девушка. – По-моему, ты ошибаешься.

Она протянула руку и преспокойно погладила тянущуюся к ней морду золотисто-рыжего цвета с белой проточиной на лбу. Жеребец, раздувая ноздри, обнюхал вошедшего человека, фыркнул для порядка, но враждебных действий предпринимать не стал. Диери по-хозяйски осмотрелась, сунулась в опрокинутую набок кормушку и возмущенно ахнула:

– Ты собирался пичкать его этой дрянью?

– А чем, скажи на милость, его нужно кормить? – похоже, Феникс ничего не имел против новой знакомой. Наоборот, заметно успокоился и ходил за ней, время от времени стараясь приязненно лизнуть. – Диери, порадуй меня хоть ты! Скажи, что разбираешься в лошадях!

– Самую малость, – с непонятной печалью в голосе отозвалась девушка. – Будешь смеяться, но брат моей покойной матушки, сиречь мой дядя, зарабатывал на жизнь тем, что крал таких вот красавцев из чужих конюшен, – она мимоходом игриво дернула Феникса за челку. – Будучи в хорошем

настроении, дядюшка охотно делился с племянницей кое-какими секретами и познаниями.

– Ты не могла бы припомнить эти самые познания? – не веря своим ушам, осторожно поинтересовался Конан. – Видишь ли, конь простоит здесь еще дня два-три. Может, и больше. Его владелец, наверное, будет жутко недоволен, узнав, что мы не смогли правильно ухаживать за его лошадью…

– Его хозяин – Барч ит'Каранг? – уточнила Диери. – Да, этот умеет выказывать свое недовольство. На другом конце города слышно. Эй! – она уперла руки в бока и вопросительно глянула на приятеля. – Ты ведь не собираешься попросить меня?..

– Ага, ага, – закивал Конан и, припомнив советы друзей касательно обращения с женщинами, добавил как можно проникновенней: – Пожалуйста. Ты вроде нравишься этому зверю, а на остальных он бросается. Я постараюсь отыскать кого-нибудь, чтобы тебе помогали, – быстро проговорил он, увидев, что согласие почти получено.

– Тогда мне понадобятся деньги, – решительно заявила Диери. – Где-то с десяток талеров.

– Зачем?

– Сходить в лавку и купить приличного конского корма, – снисходительно растолковала девушка и тут ей на глаза попались сложенные поверх горки старой сбруи пергаменты. – А это что за писанина?

Выслушав сбивчивое объяснение, Диери понимающе хихикнула и милостиво пообещала написать злосчастный доклад, благо часть событий она видела своими глазами, а остальное ей расскажет Конан. Правда, за «спасибо» она трудиться не собирается. На днях она видела в одной лавке на Каменном рынке премиленькие топазовые сережки офирской работы…

Что всегда поражало киммерийца, так это легкость, с которой Диери Эйтола добивалась от него желаемого.

* * *

– *«…И умер, не приходя в сознание, причиною чему стали многочисленные телесные повреждения, нанесенные лошадиными копытами и несовместимые с жизнью. Сие подтверждено в присутствии свидетелей лекарем Конного Поля…»* Как зовут тамошнего лекаря, не знаешь?

– Гебали, – после старательного раздумья вспомнил Конан.

– *«…Лекарем Конного Поля по имени Гебали. Тело наездника осмотрено и, согласно приказанию владельца Конного Поля, месьора Аддаха Рабиля, доставлено в имение работодателя покойного, достопочтенного Барча ит'Каранга…»*

Диери погрызла кончик обтрепанного пера, перечитала

написанный текст, осталась довольна и взяла следующий лист.

– Теперь запишем про бедного Феникса. *«Вещественным доказательством к делу прилагается животное, именуемое лошадью, из породы туранских саглави, мужеского полу, кличка – Огненный Феникс, четырех лет от роду, рыжей масти, на лбу – светлая отметина длиной в два пальца, на передних ногах – белые чулки до колена, грива коротко стриженная, хвост обрезан на три ладони…»*

Оторвавшись от рождавшегося в творческих муках доклада Верховному Дознавателю, девушка глянула на упомянутого жеребца, наконец-то вычищенного, накормленного и внешне смирившегося с переселением в конюшню Когорты. Неугомонный Феникс развлекался, задирая смирного дряхлого мерина, занимавшего клетушку поблизости, и время от времени шумно грыз верхнюю доску своей загородки.

– По-моему, привешивать ему на хвост бляху с печатью Стражи было излишне, – заметила Деянира.

– Ничего, не подохнет, – мстительно откликнулся киммериец. Замысел с бляхой показался ему достойной расплатой за мучения, испытанные по дороге от Конного Ристалища. Он не поленился сбегать в Управу, принес оттуда тяжелую свинцовую пломбу с гербом Сыскной Когорты и собственноручно прикрепил ее к короткому хвосту жеребца, удачно избежав очередного укуса. Саглави возмущенно завизжал, от избытка чувств лягнув и опять опрокинув ведро с водой.

По совету опытной подружки Конан молча показал рыжему коню внушительного вида широкий кожаный ремень и для наглядности пару раз хлестнул им по мешку с отрубями. Мешок оказался гнилым и немедля прорвался. Это заставило Феникса призадуматься. Получать трепку совершенно он не хотел, но, когда люди отвлекались, украдкой пытался сорвать ненавистную штучку, болтавшуюся на хвосте.

– Так почему же он все-таки упал? – Диери в задумчивости вертела перо между пальцев. – Мы сидели довольно далеко, поэтому ничего толком не разглядели. Только что лошади бежали по дорожке одна за другой, и вдруг Феникса бросает в сторону, он врезается в соседа и начинается свалка… Рибеке сразу заявил, что это наверняка подстроено. Но Рибеке – известный выдумщик и не особый знаток бегов.

– Разве можно подстроить так, чтобы лошадь упала? – недоверчиво спросил Конан.

– Если у тебя есть деньги, желание или возможность, то в Шадизаре можно все, – серьезно ответила девушка. – Однако мы точно знаем, что над препятствиями не было натянуто веревки, в яме с водой не выкопали западню, и никто не спрятал капкана на дорожках. Иначе ты непременно их бы отыскал. Можно подкупить наездника, чтобы тот слегка придержал лошадь в подходящий момент…

– Но все хором твердят, будто Тархалл на такое не способен, – поддержал рассуждения Деяниры киммериец. – Эй, племянница конокрада, открой тайну – что нужно проделать

с лошадью, чтобы она бежала помедленнее и никто ничего не заподозрил?

– Напоить перед началом забега самой обычной водой, хорошо разбавленной крепким вином, – не замедлила с ответом девушка. – Угостить чем-нибудь вроде запеченных в безобидный с виду пирожок соцветий пятилистника. Но Аддаховы люди строго следят за такими вещами. В день скачек к лошадям не подпускают никого из посторонних, будь ты даже всем известный приятель хозяина Поля или отпрыск старшего конюха. Еще? Засунуть гвоздь под подкову. Надрезать сухожилие, причем достаточно крохотной ранки. Всыпать горсточку мышиного помета в ухо. Проколоть шилом маленькую дырочку под глазом и вдуть туда немного воздуха – от этого конь будет постоянно трясти головой и отвлекаться.

– Может, с ним учинили нечто подобное? – предположил Конан. – Ты не могла бы определить?

– Сегодня – нет, – с сожалением покачала головой Диери. – Он весь побитый и в царапинах. Нужно выждать день-два, когда ушибы подживут и можно будет вывести его прогуляться. Но и тогда я ничего не обещаю. Я лишь племянница конокрада, как ты верно заметил, – она в раздумчивости пощелкала замком браслета: – Спроси лучше у Амала, приятеля Ши. Он знает о секретах лошадников побольше моего.

– Да, но захочет ли он говорить с человеком, служащим в Сыскной Когорте? – здраво усомнился варвар.

– Если опасаешься выдать себя, пусть расспросит Ши, – разумно присоветовала девушка. – Все равно от него никакой пользы. Интересно, где его носит? Сразу по завершению скачек он бесследно испарился.

– Может, в самом деле решил наведаться к зингарскому каравану? – с неудовольствием пробормотал Конан. Ему очень не хотелось в один прекрасный день отправить за решетку кого-нибудь из знакомых и беспокоило, что по Когорте гуляют слухи об готовящейся в конце осени большой облаве.

– С него станется, – кивнула Диери. – Кстати, он выиграл на сегодняшних бегах пять империалов в счет долга тебе.

– А сколько проиграл? – съязвил киммериец.

Ответа не последовало: девушка вдруг удивленно моргнула и вскинула руку, требуя тишины. Дремавший Феникс проснулся, зафыркал и затоптался на месте. Прислушавшись, Конан различил тихое поскрипывание и похрустывание, доносящееся из дальнего угла конюшни. Днем он предусмотрительно обошел покривившееся здание со все сторон и выяснил, что задняя стена примыкает к глухому забору, за которым тянется крохотный проулок. Самое походящее место для того, кто пожелал бы незаметно пробраться во владения Сыскной Управы.

– К нам гости, – шепнула Деянира, чье личико приобрело азартное и одновременно слегка испуганное выражение. – Они наверняка идут за Фениксом. Сбегать к казармам за

подмогой?

– Сами управимся, – буркнул Конан. – Затаись где-нибудь и сиди тихо.

* * *

Понятливо кивнув, девушка юркнула в пустое стойло по соседству с обиталищем Феникса. Жеребец, внезапно обретя подобие человеческого разума, смекнул, что от него требуется, подошел к яслям и нарочито громко захрустел овсяными зернами. Варвар же изобразил бдительного, хотя не слишком далекого разумом стража, грозно рявкнув в темноту: «Кто там копошится?».

– Кажется, нас забыли предупредить насчет караульного, – озадаченно произнес чей-то голос. Спустя мгновение он обрел зримый облик, выйдя в отбрасываемое масляными лампами тусклое пятно света и оказавшись вполне обычным человеком. Как положено в славном городе Шадизаре при столь поздних визитах, незваный гость натянул на себя одежку темных цветов, но положенной черной маской пренебрег, спрятав лицо под небрежно завязанной серой тряпицей. Пришел он не в одиночку – позади во мраке копошилось не то двое, не то трое спутников, с приглушенными ругательствами влезавшими в слишком маленькое отверстие в

стене.

– Это не караульный, а рекифесовский щенок, – охотно пояснила высунувшаяся из-за плеча вожака (Конан счел человека в сером платке главарем шайки) угрюмая рожа, могущая похвалиться отсутствием доброй трети зубов и свороченным набок носом. – Говорят, его высокородие задумал привечать всяких дикарей – мол, они честные да неподкупные. Эй, парень, хочешь добрый совет? Прогуляйся во двор до ветру, и не торопись обратно. Получишь пять талеров, а Рекифесу завтра скажешь, что был в стельку пьян, дрых без задних ног и ничего не слышал… Договорились? Орясина варварская, ты по-людски хоть понимаешь?

– Сам ты дикарь, – ответствовал слегка оскорбленный киммериец и подробно растолковал, что гость может сделать с предложенными талерами и в какое место их запихать. Разглагольствуя, он незаметно передвинулся ближе к стойлу Феникса и прислоненным к загородке двузубым вилам, коими сегодня днем грузили сено.

Конокрады ответ оценили, даже одобряюще хмыкнули. Кривоносый буркнул что-то насчет молодых да ранних, и вопросительно глянул на предводителя.

– Насчет пяти талеров мой друг, конечно, пошутил, – донеслось из-под серого лоскута. – Пожалуй, речь должна идти о двадцати… или даже о пятидесяти.

Конан сделал вид, что старательно размышляет над предложением.

– На твоем месте, мальчик, я бы поумерил аппетит, – холодно посоветовал вожак. Нам, как понимаешь, нужна эта лошадь. И мы ее получим. С твоей помощью или без нее.

– Это не лошадь, а вещественное доказательство, – почти без запинки выговорил доблестный человекоохранитель. – Вы, малопочтенные, шли бы своей дорогой. Желательно подальше отсюда, пока вас не повязали и не отвели в Алронг, где вам самое место. Ясно?

Где-то с десяток ударов сердца конокрад изумленно глядел на нахального подростка-варвара, словно осознавая услышанное, а затем коротко махнул рукой своим подручным.

Первому нападавшему, Кривоносому, ломившемуся вперед, точно неудержимо катящийся с горы валун, Конан весьма удачно ткнул вилами в бедро. Тот с воем отлетел в сторону и свалился набок. Двое других оказались сообразительнее, держась вне пределов досягаемости длинных вил и постепенно заходя упрямому стражу в тыл.

Из темноты прилетел метательный нож, встречи с коим киммериец успешно избежал. Однако нож послужил отвлекающим маневром, и за ним последовала веревка с крючьями, змейкой обвившаяся вокруг зубьев вил. Игру в «перетягивание каната» Конан проиграл, лишившись своего грозного оружия и в отместку запустив в замешкавшегося главаря пустым ведром.

Цель-то он поразил, но торжествовал недолго – кто-то

прыгнул ему на спину, умелым движением набросив удавку из тонкого ремешка. Друзья учили мальчика с Полуночи, как справляться с такой бедой, но их наставления мгновенно забылись, и Конан попросту попытался ударить висящего сзади душителя о стенку стойла.

Разумеется, та сломалась, и противники яростно забарахтались среди обломков подгнивших досок, тюков преющей соломы и кучи старых попон. Удавка, спасибо Небесам, ослабла и свалилась, но в полумраке киммериец никак не мог отыскать своего недруга, сумевшего затаиться. Мелькнул желтый луч фонаря – один из конокрадов догадался осветить стойло, причем сделал это настолько удачно, что Конан оказался в луче света и на миг ослеп.

– Вон он! – приглушенно взвизгнул предводитель. – Хватайте мальчишку!

Засим последовал внезапный оглушительный грохот, перемежаемый яростным ржанием, воплями боли, улюлюканьем и шипением, напоминавшим боевой клич разъяренной рыси из Эйглофиатских гор. Свет погас и снова вспыхнул, но теперь уже не от тусклой лампы, а от выписывающего в воздухе круги факела. В метнувшегося к центральному проходу Конана с размаху врезался кто-то бегущий, и варвар, недолго думая, приложил неизвестного головой о край каменной лошадиной поилки.

Раздался глухой вскрик, ставший последним в этой ночной неразберихе. Киммериец на всякий случай подождал

еще немного. Ничего не происходило, только рядом время от времени печально постанывали. Отсветы факела стали ближе, поблизости задвигалось нечто большое, шумно пыхтящее и фыркающее, что могло быть только Огненным Фениксом.

– Великая битва при конюшне, – проговорил слегка дрожащий голос Диери. – Феникс, умница, поди сюда… Не надо больше его пинать! Хватит, я сказала! Конан, где ты?

– Здесь, неподалеку, – варвар огляделся. Деянира поступила весьма разумно, в разгар схватки открыв дверь загона Феникса и выпустив коня наружу, дабы тот во всей красе показал свое умение кусаться, лягаться и портить жизнь людям. Жеребец не обманул возложенных на него ожиданий: по конюшне валялись разбросанные там и тут тела нападавших, слабо шевелившихся и даже не пытавшихся удрать.

– Ищи веревку, – деловито распорядился Конан. Диери молча протянула ему заранее приготовленный моток тонкой бечевки и отправилась улещивать Феникса, проникшегося сильной неприязнью к предводителю шайки. Конь с бдительным видом расхаживал вокруг упавшего человека и при малейшем движении придавливал сверху копытом.

– Я его знаю, – уверенно заявила девушка, когда главарь конокрадов был тщательно связан по рукам и ногам, а киммериец сдернул с его лица невзрачную тряпицу. – Это Акцель, его еще зовут Счастливой Подковой. Говорят, он в прошлом году свел лучшего жеребца у коринфского наместни-

ка!

Акцель с ненавистью глянул на стоявших над ним молодых людей и рыжего саглави, открыл рот, собираясь что-то сказать… И не сумел издать ни звука, потому что Конан свернул из его бывшей маски затычку, надежно преградившую путь любым возражениям бывшего удачливого похитителя лошадей.

Злоумышленников шеренгой разложили вдоль прохода конюшен, отчего они стали напоминать засунутых в мешки и приготовленных к отправке на кухню поросят. Киммериец опасался, что попытка нападения повторится, но до конца ночи так никто и не появился.

Утром конюшню навестил лично Рекифес при свите помощников, заместителей и начальников караулов. Узрев результаты ночного побоища, восхищенно присвистнул, но встревожился, заметив пустое стойло.

– Где конь?

Огненный Феникс, прилегший отдохнуть на пол, лениво встал и издал короткое сердитое ржание. Дознаватель облегченно вздохнул и сверху вниз глянул на окончательно пришедшего в сознание и потому безнадежно угрюмого Акцеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.